

«И как свято они умирали!»

А.Н. Апухтин о Крымской войне

© Б. Г. БОБЫЛЕВ,
доктор педагогических наук

В статье анализируются стихотворения Алексея Николаевича Апухтина (1840–1893), посвященные Крымской войне, проводятся параллели с шедеврами русской батальной поэзии. Отмечается выразительность языка поэта, отточенность версификационной техники, интонационно-мелодического рисунка стиха.

Ключевые слова: А.Н. Апухтин, стихотворения «Эпаминонд», «Солдатская русская песня о Севастополе», Корнилов, «Бородино», «Полтава», анапест, ритмико-мелодические приемы, повторы, историческая песня.

Модест Ильич Чайковский, друг и биограф Апухтина, во вступительной статье к его сочинениям писал: «Русская природа, русские люди, русское искусство и русская история составляли для него основной, можно сказать, исключительный интерес существования» [1]. Русскость поэзии Апухтина проявляется в живых подлинных деталях народной жизни, в удивительно пластичном и богатом языке, в особых интонациях, дыхании и звучании стиха. Однако исторические темы оставались, как правило, за рамками его произведений. Практически единственным исключением в этом плане является тема Крымской войны, которой посвящены два стихотворения поэта: «Эпаминонд» (1854) и «Солдатская песня о Севастополе» (1869) [2].

«Эпаминонд» – первое опубликованное стихотворение Апухтина. Оно написано под впечатлением от гибели адмирала Корнилова во время бомбардировки Севастополя 5 октября 1854 года союзными войсками европейских стран. Поэту было тогда четырнадцать лет. Корнилов сравнивается с Эпаминондом – одним из величайших полководцев античности. Однако гибель полководца в сражении при Мантинее стала прелюдией к завоеванию Греции македонцами. Аналогия, проведенная юным поэтом, оказалась пророческой. Смерть Корнилова стала предвестием катастрофических для русской армии и страны в целом событий.

При недостаточной развитости версификационной техники (преобладают глагольные рифмы), в «Эпаминонде» поражают зрелость мысли и чувства, выразительность языка.

Будучи одним из лучших учеников императорского училища правоведения, образование в котором строилось, как и в большинстве русских элитных учебных заведений того времени, на классических основах, юный Апухтин являет в своем стихотворении прекрасное знание античного героического морального канона. Однако при этом верх берут христианские мотивы – и в сценах умирания Эпаминонда, и при описании последних минут Корнилова: «Блажен, кто жизни суетою / Еще измерить не успел, / Но кто за честь отчизны милой / Ее вовеки не щадил, / Разил врага, – и над могилой / Его незлобливо простил»; «Он, верой пламенной горя, / Как христианин, вспомнил Бога, / Как верноподанный – царя». Отметим экспрессию книжной лексики начинающего поэта: «мгновенный огонь», «отчизны милой», «счастье родины священной», «поборник правды и святости», «Севастополь величавый», «смерть поспорила со славой», «верой пламенной горя», «ангел светозарный» и др.

Стихотворение «Солдатская песня о Севастополе», созданное Апухтиным в зрелый период в 1869 году, безусловно, является лучшим стихотворением из всех, когда-либо написанных о Крымской войне. По своему художественному совершенству, силе образов, отточенной технике стихосложения оно может сравниться с «Полтавой» А.С. Пушкина и «Бородино» М.Ю. Лермонтова:

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималось облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей,
И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали, –
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы, –

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов своих смелых...

Пусть не радостна песня, что я вам пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Апухтин прибегает к чередованию четырехстопного анапеста в нечетных строках с трехстопным в четных. Неоднократно повторяются глаголы пешего передвижения: *сходили, пришли, шел-шли, выходил-выходили*. Обратим внимание на то, что дважды – во вторых стихах четвертой и пятой строф на глаголы *шел-шли* падает сильное сверхсхемное ударение, по сути дела, в данном случае происходит резкая намеренная ломка ритма: анапест в начале этих строк сменяется хореем – «походным», «маршевым» размером. Эта ломка позволяет особо выделить данные стихи и строфы в целом, передать через ритм и скандированный повтор необыкновенный подъем патриотического чувства русских людей, готовых пожертвовать всем, самой жизнью ради отчизны. Высшей своей точки пафос героического самоотвержения достигает в заключительных двух стихах пятой строфы, выделенных чрезвычайно выразительным мелодическим ходом – повтором *И* в сочетании с союзом *как* в начале строк и глагола *умирать-умирали* – в конце: «*И как знали они, что идут умирать, / И как свято они умирали!*».

Пять строф стихотворения – с четвертой по восьмую – объединены единым интонационно-мелодическим рисунком, в основе которого лежит использование повтора ключевого глагола *спую*, соотносящегося с заглавием стихотворения (*Я спую.., Я спую*), и серии придаточных изъяснительных, присоединяемых союзом *как*. Наряду с ритмико-мелодическими приемами, нарастающая эмоциональная энергия стиха создается употреблением ряда выразительных эпитетов, сравнений, контрастных по своему ассоциативному ореолу слов: *богатырская мать; бойцы из железа и стали; красавицы – сиделками; к безотрадному изголовью;*

немолчные, тяжкие стоны; грозной тенью; чудотворная крепость, сынов смелых. В отдельных случаях создается впечатление не просто звучащего слова, но слова-жеста, подчеркивающего силу и неудержимость вырывающегося наружу чувства, истоком которого является кровная связь каждого русского сердца с родной землей: «Как за каждый клочок нашей русской земли / Нам платили враги своей кровью».

Выразителен подхват в начале третьей строфы, где повторяется слово *победили* из последней строки предыдущего четверостишья: «Как сходили враги без числа с кораблей, / И пришли к нам, и нас победили // А и так победили, что долго потом / Не совались к нам с дерзким вопросом». В этих стихах горечь соединена с торжеством и грозным предупреждением. Повтор глагола *победили* помогает активизировать в сознании каждого читателя ассоциацию с Пирровой победой, при которой победители пролили крови больше, чем побежденные. В Крымской войне Россия, в одиночку противостоявшая коалиции четырех держав, значительно превосходивших ее в техническом и военном отношении, понесла меньшие потери, чем ее противники. Так, по данным Б.Ц. Урланиса, боевые и небоевые потери в армии России составили 134 800 человек, а потери в армиях Великобритании, Франции и Турции – 162 800 человек [3].

Повторы лексические вплетаются в параллельные синтаксические конструкции: «Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым, / Под немолчные, тяжкие стоны / Выходили редуты один за другим, / Грозной тенью росли бастионы». Благодаря однородным обстоятельствам образа действия мы ощущаем себя непосредственными свидетелями свершающейся битвы: одновременно слышим (*грохот, стоны*), видим (*пламя, дым*) и сопереживаем страданиям раненых и гибнущих сынов России (*немолчные, тяжкие стоны*).

Ударной выразительностью отличается предпоследняя, восьмая строфа, которая завершает ритмико-мелодическую фигуру, охватывающую пять строф: «И одиннадцать месяцев длилась резня, / И одиннадцать месяцев целых / Чудотворная крепость, Россию храня, / Хоронила сынов своих смелых...». Экспрессивное слово с резкоотрицательной оценочной окраской *резня* в восприятии современным читателем отличается от его восприятия читателем XIX века. У Даля это слово определяется так: «*Резня, драка насмерть, сражение или убийство холодным оружием, большое кровопролитие*» [4]. В современном же словаре находим такое определение: *резня – массовое жестокое избиение, массовые убийства* [5]. Как видим, из значения слова исчезла первая часть: «*драка насмерть, сражение или убийство холодным оружием*». Это связано с изменением характера войн, в которых холодное оружие перестало играть ведущую роль. Экспрессивность данного слова помогает Апухтину создать лишенную романтики реалистическую картину жестокого боя.

В данном отношении поэт продолжает пушкинские традиции: «Швед, русский колет, рубит, режет». Лермонтов же прибегает к гиперболе: «И ядрам пролетать мешала / Гора кровавых тел».

Глубоким смыслом исполнена соотнесенность глаголов *храня-хоронила* в заключительных стихах восьмой строфы: «Чудотворная крепость, Россию храня, / Хоронила сынов своих смелых...». Возникает удивительный по своей глубине образ Севастополя с чудотворной иконой Божьей Матери, охраняющей Россию.

Стихотворение Апухтина «Солдатская песня о Севастополе», несомненно, уходит корнями в народное творчество [6]. Об этом свидетельствует его поэтика: отрицательный параллелизм, анафорические повторы, подхваты, сам образ певца, который создает историческую песню, «не хуже той песни победы», что певали отцы и деды о других исторических событиях.

Литература

1. *Чайковский М.И.* А.Н. Апухтин // Апухтин А.Н. Сочинения. СПб., 1896. С. XV.
2. *Апухтин А.Н.* Стихотворения. М., 1991.
3. *Урлиис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., М., 1998.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955. Т. IV.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2010.
6. *Домановский Л.В.* Крымская война в русском народном творчестве // Русский фольклор. Вып. 6. М.-Л., 1961.

*Приокский государственный университет
Орел*